

Сегодня лингвистика как наука, изучающая одно из главных доказательств существования нации – язык, в котором отражена интерпретация предметов и явлений действительности человеческим сознанием, играет важнейшую роль в изучении специфики менталитета различных народов. Проблема взаимосвязи слов, соответствующих им концептов и стоящих за ними знаний объективного мира является, очевидно, составной частью проблемы соотношения языка, мышления и объективной действительности – крупнейшей проблемы языкознания, решаемой в течение десятилетий всеми лингвистическими школами и направлениями. Общая направленность современной научной парадигмы характеризуется стремлением проникнуть в глубинную природу языковых фактов и определяет актуальность лингвистических исследований.

Изучение концептосферы этноса – задача, способствующая решению многих вопросов, касающихся ценностных ориентиров представителей этноса – носителей того или иного языка, путей взаимодействия разных народов в политических, экономических, культурологических целях. Поскольку концепты несут на себе признаки тех культур, компонентами которых они являются, они отражают непрерывную динамику и расчлененность национального мировоззрения, различия социальной практики и духовной активности социума. История развития философии и лингвистической мысли отражает этапы категоризации мира в сознании человека независимо от его национальной и ментальной принадлежности. Специфически Национальный колорит придает концепту условия и образ жизни, общественно-политическая ситуация.

Исследования современных ученых в области философии, культурологии, религии, этнографии и психологии помогают более объективно определить основные мировоззренческие позиции в концептуальной картине мира древних. Большое значение для понимания общих тенденций человеческой цивилизации, исторического развития казахов (тюрков) и русских (славян) имеют труды А. Акатаева, Г. Д. Гачева, Н. Л. Гумилева, А. Г. Гуревича, А. Ж. Жаксылыкова, А. Х. Касымжанова, Ф. Кликса, В. В. Колесова, К. Леви-Стросса, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Е. М. Мелетинского, Н. И. Толстого, Г. К. Шалабаевой, Н. Шахановой, В. А. Шкурадова, М. Элиаде и др.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы на основе контрастивного анализа концептов цвета показать глубинную связь, закономерность их лексико-семантических составляющих, которые определяют ментальную обусловленность и помогает проникнуть в культурное поле другого этноса. Выявлены структурные и функциональные особенности рассматриваемых нами концептов, наиболее ярко вообравших в себя ментальную сущность этноса. В качестве объекта лингвокультурологического анализа использован лексикографический материал, художественные тексты, представляющие наиболее значимые с духовной точки зрения произведения казахской и русской литературы, пословицы и поговорки.

Казахский и русский языки располагают глубинными мотивациями закрепления определенных коннотативных значений за теми или иными концептами. Мировоззренческие позиции казахов и русских, несомненно, находят отражение в смысловых трансформациях базовых концептов. Так, к примеру, в аспекте ценностных ориентаций рассматриваемых лингвокультур значимыми являются концепты цвета. Как неизменный компонент культуры цвет обрывает определенной системой ассоциаций, смысловых значений, толкований, становится воплощением разнообразных нравственно-эстетических ценностей. В рассматриваемых нами казахской и русской лингвокультурах цвет представляет собой семиотический феномен, обладающий постоянно развивающимся полем смыслов в результате расширения ассоциативного мира человека и увеличения сферы контекстуальных связей. Наиболее ярко это проявляется в том, что цвета характеризуются наличием ярко выраженных коннотативных признаков. Поэтому их закрепление в языковом сознании народа с последующей трансляцией в пространстве и времени ведет к образованию цветоконцептов – этнически, культурно обусловленных, сложных ментальных образований, оязыковленных в том или ином коллективе.

В памятниках традиционного искусства и литературы, научных знаниях и религиозных трактатах заложена ценнейшая информация, являющаяся отражением тюркского мировоззрения в целом. К ним относятся Древнетюркский словарь, Словарь М. Кашгари, поэма «Кутадгу Билик» Ю. Баласагуни, которые представляют огромный научный и познавательный интерес в отношении традиций, принципов и способов именования цвета того периода [3]. По мнению ученых, в литературных произведениях эпохи средневековья отражены, творчески развиты основные принципы, концепты народной философии и эстетики, в их мироощущении сложно и синкретически переплетались мотивы, архетипы тенгрианского, анимистического, исламского мировоззрения [4]. Особенности уклада жизни, особое философское отношение древних казахов к природе определили основные черты, которые на протяжении веков характеризовали символику цвета и сохранились в современном языковом сознании.

Данные вышеперечисленных источников показали, что лексико-семантическая группа цветообозначений в тюркских языках в эпоху средневековья уже достаточно четко сформировалась. Цветообозначения этого периода в основном встречаются в названиях родов и племен, названиях животных и растений, астрономических названиях, названиях явлений природы, драгоценных камней и ископаемых богатств, географических названиях, названиях предметов материальной культуры и быта, социально-политических терминах и др. Изучение проблемы цветовой символики в мировоззрении казахов подтверждает предположения об общности космогонических представлений людей древнего и традиционного общества. Так, например, слово «kök», по данным Древнетюркского словаря, употреблялось тюрками как 1) небо; 2) корень; 3) основание, опора; 4) происхождение, родословная; 5) свободный, вольный; 6) голубой, синий, сизый; 7) планка седла; 8) шов; 9) радужная оболочка глаза; 10) имя собственное (kök lü – одно из божеств); 11) титул [3; с. 312-313]. Как видим, «kök» осмысливается в анимическом (1), предметном (2, 3, 7, 8), социальном (4, 5, 11), физиологическом (6, 9) ракурсах. Таким образом, данное слово обозначает фрагменты разных форм существования мира. Прежде всего

«кёк» понимается, как явление, имеющее анимическую природу – небо. Несомненно, что «кёк» осмысливается и как категория духовная. Осмысление этой концептуальной сферы в языке вербализуется с опорой на классификационные связи преимущественно средствами переноса по сходству.

Изучение различных значений цветолексем, особенностей их сочетаемости в казахском языке позволяет говорить о некоторых особенностях устройства ключевых концептов средневековой языковой картины мира: прежде всего – об их синкретичности, которая воспринимается современным языковым сознанием как абстрактность, расплывчатость значения. Концепты цвета в казахском сознании – благодаря текстовой поддержке, месту в языковом сознании носителей языка и в системе ценностей языкового коллектива – сохранились и до настоящего времени, чего нельзя сказать о концептах цвета в русском сознании, распавшихся (по мере установления таксономических спецификаций в языковой картине мира) на составляющие или же потерявших былое единство значения, к примеру прилагательное *красный*.

Способы концептуализации данной ментальной категории являются процессом отображения в субъективном образе целостной картины мира. К ним относятся антропоморфный, пространственный, временной, фетишный, биоморфный, анимический и т. д. К примеру, отражение в цвете возрастных особенностей (временной код) сохранилось у казахов с древних пор до современного периода. Язык является тому свидетельством. В древности о связи возрастных классов с цветом свидетельствовал обычай: «Если на юрте развевается какой бы то ни было флаг, вы должны понять, что юрта эта лишилась одного из своих членов. Если флаг этот красный – умерший был молод, черный – средних лет, белый – старик» [2, 333]. В современном казахском языке употребляются такие выражения, как ак сакал (о старом седом человеке), кок сакал (о зрелом мужчине, только начинающем седеть), кара сакал (о мужчине средних лет), сары карын (о женщине средних лет). Образное выражение «кырыктын кызыл-жасылы» (красно-зеленый мир сорока) используется казахами для обозначения возраста сорокалетних. В этом прослеживается философский аспект, своеобразное отношение к очень важному жизненному периоду, когда человек полон сил, энергии и желаний (пламенеющий огонь – красное) и вся окружающая действительность имеет свою притягательную красоту, мудрость и спокойствие (зеленое). Цвета связаны с социальными группами, последние – с зонами мироздания. Цветолексеммы используются носителями казахского языка для обозначения родовой принадлежности: ак, кара, сары сопы, ак, кара, сары, сызыл канлы. Этнонимы, в составе которых есть цветообозначения, являются этнокультурными маркерами в силу того, что прямо или косвенно «очерчивают границы» внутриэтнических процессов.

Анализ конкретного языкового материала показал, что в древнерусском языке христианского периода цвет также заключал в своей семантике целый комплекс представлений. В результате христианизации слова, т. е. сообщения слову особой христианской «нагрузки», связанной с идеалами новой религии, возникают новые значения как результат ассоциативных связей. Те или иные значения, закрепленные за цветообозначениями в данном языке, обусловлены определенной традицией, в которой тот или иной цвет соотносится с религиозным образом (н-р, желтый с образом Иуды Искариота – отсюда цвет предательства, измены). Но даже в границах христианской традиции цветосимвол продолжает развиваться, меняя свои значения в течение времени, что прослеживается в семантических трансформациях цветообозначений.

Несомненно, что литературное произведение актуализируют функциональный метод исследования, позволяя увидеть ментальные предпочтения этноса в конкретный исторический период. Наблюдения над употреблением цветообозначений в художественных текстах казахского и русского языков позволили нам сделать вывод о том, что при универсальности функций рассматриваемых единиц их проявление, соотношение в данной культуре специфично, детерминировано той или иной культурой. Частотность употребления номинирующих цвета слов в художественных контекстах и устойчивых выражениях, как известно, является значимой величиной. Учет количественных показателей использования тех или иных номинаций цвета в разных языках позволяет сделать некоторые выводы. Статистический анализ фактического материала (5 тысяч русских единиц и 3 тысячи казахских в выборке общим объемом 100 тысяч слов) показал, что в литературных текстах на казахском языке (мы проанализировали произведения М. Ауэзова, Г. Мусрепова, А. Кекильбаева, А. Алимжанова, А. Абишева, Т.Ахтанова, Д. Досжанова, О. Канахина и др.) использование цветообозначений как в прямом значении, так и в составе метафорических описаний (в обозначении цвета) не столь разнообразно и масштабно. Подтверждением являются слова М. М. Ауэзова: «Цвет вообще не играет существенной роли в мироощущении кочевника. Связано ли это с однообразием красок в степи или же с тем, что степь больше прислушивается, чем вглядывается – сказать трудно. Но, во всяком случае, ни в фольклоре, ни в эпосе казахов вас не взволнует пестрота красок. Да и в современной поэзии цвет чаще выступает как символ, оттеняющий настроение, мысль, нежели в самостоятельной роли восхитившего, затронувшего душу поэта проявления красочного мира. Глаз кочевника с большей охотой, точнее, с большим вниманием и настороженностью отмечает густоту и степень яркости в цвете, т. е. те же переливы светотеней, легко распадающиеся на свет и тень, балансирующее состояние которых кочевник наблюдает и в огне, и в себе, и повсюду в своем окружении» [1, 134].

Данный лингвистический факт объясним предпочтением разноязычных этносов в выборе способа освоения мира, в том числе мира цвета. На наш взгляд, некоторая сдержанность, о которой сказано выше, не результат отсутствия или недостатка воображения, а соблюдение принципа «монументальности», «цельности». Это может быть связано и с особенностями кочевого образа жизни (необходимая при этом «практичность» бытового уклада наша отражение и в языке: как воплощение практического опыта человека он должен был обладать абсолютной целесообразностью, результативностью), и с сакральной природой образного мышления, когда модель мира отражается на всех уровнях языка, продолжая доработку и внутри сознания. Все это определенным образом отражено в специфике языка, его своеобразной «закодированности».

Таким образом, цветоконцепт в казахской и русской лингвокультурах выступает как ценностное и оценочное понятие. Как отражение менталитета нации он включает в себя все специфические особенности восприятия мира, выработанные этносом в течение тысячелетий.

Литература

1. Ауэзов М. Времен связующая нить. – Алма-Ата, 1972. – 134 с.
2. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в 5-ти томах. – Алма-Ата, 1984. – Т. 1. – 357 с.
3. Древнетюркский словарь. (Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака). – Л.:Наука, 1969. – 676 с.; Баласагуни Ю. Құтадғу білік. Ташкент, 1971; Қашқари М. Девану лұғат-ит түрк. 2 т. – Ташкент. – 1963. – 284 б.;
4. Жаксылыков А. Ж. Образы, мотивы и идеи с религиозной содержательностью в произведениях казахской литературы. Типология, эстетика, генезис. – Алматы, 1999. – 422 с.; Нурланова К. Человек и мир. Казахская национальная идея. – Алматы, 1994. – 48 с.; Сегизбаев О.А. Казахская философия XV – начала XX веков. – Алматы: «Гылым», 1996. – 472 с.; Традиционная культура кочевников. – Алматы, 2002. – 172 с.

Жебровская И. О.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСТРИБУЦИИ ИМЕННЫХ СИНТАГМ НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ РЕФЕРЕНЦИИ В УКРАИНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Объектом данного исследования являются именные группы, оформленные неопределенным артиклем и включающие прилагательное в препозиции или постпозиции.

Изучается употребление указанных именных синтагм в различных синтаксических функциях и описываются дистрибутивные соответствия именных синтагм во французском и украинском языках. Исследование проводилось на материале оригинала и перевода французской художественной прозы.

Целью данного исследования является выявление когнитивной мотивации взаимозависимости употребления прилагательного и неопределенной референции базового имени именной синтагмы, отмечающейся во французском языке.

На протяжении последних десятилетий количество работ, рассматривающих лингвистические явления с позиций когнитивной лингвистики, неуклонно возрастает. Когнитивная революция была одним из проявлений общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах, которой присуще стремление выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире [1, с. 72-73].

Представляет интерес рассмотреть особенности членов предложения с позиций когнитивной лингвистики. Наше внимание привлекло подлежащее, которое является наряду со сказуемым одним из двух главных членов элементарного предложения, обозначаемого иногда как «субъект» в рамках международной терминологии.

Подлежащее характеризуется рядом значений, относящихся к различным когнитивным сферам. Во-первых, подлежащее, наряду с дополнениями и обстоятельствами, служит для грамматического оформления слова, обозначающего одного из участников описываемой предложением ситуации, т. е. выполняют, прежде всего, различительную функцию, позволяющую идентифицировать различных участников события. Во-вторых, подлежащее вместе с дополнением участвуют в актуальном членении предложения, выражая соответственно тему и рему в коммуникативной перспективе предложения. В-третьих, на выбор синтаксической позиции именного члена предложения влияет онтологическая когнитивная сфера, связанная со свойствами референтов. Имена, обозначающие одушевленных участников, особенно людей, тяготеют к позиции подлежащего, а неодушевленные – к позиции прямого дополнения.

Отметим также понятие фокуса эмпатии – участника ситуации, с позиций которого данная ситуация описывается, которое находится на стыке коммуникативной, дейктической и референциальной когнитивных сфер. Выбор участника осуществляется исходя из коммуникативных намерений говорящего [2].

Что касается дополнения, то во многих языках оно имеет ряд других важных смысловых нагрузок: «... в славянских языках стоящая в этой позиции форма аккузатива выражает в явном виде противопоставление имен по одушевленности/неодушевленности. Допустимое в этой позиции синтаксическое чередование генитива с аккузативом участвует в выражении референтности и определенности имени» [3].

Категория определенности/неопределенности присуща большинству языков, однако по сей день остается открытым вопрос о том, «что же все-таки являет собой данная категория, в каких языковых единицах она локализуется... каков ее языковой статус... и т. д.» [4, с. 53; 5]. Во французском языке данная категория является открытой и выражается с помощью выбора определенного или неопределенного артикля. «Можно рассматривать наличие артикля и, соответственно, наличие открытой категории определенности в языке как свидетельство того, что представление об определенности является важным элементом картины мира для носителей данного языка» [6].

Что касается славянских языков, еще несколько десятков лет назад, в славянском языкознании данная категория рассматривалась неоднозначно: « в одних языках ей отказывают в грамматическом статусе, в других, если и не отказывают, то обращаются к ней при рассмотрении категорий референции, актуального членения предложения, анафорических функций местоимений в тексте и т. д.» [7, с. 7]. В последние десятилетия в современных лингвистических работах, напротив, категория определенности/неопределенности находится в числе наиболее широко обсуждаемых проблем и «интерес к комплексу вопросов, связанных с этой категорией в славянских языках, существенно возрос, что обусловлено не только универсальностью данной категории, фундаментальностью проблематики, дискуссионностью ряда выдвинутых теорий и конкретных решений, но и развитием новых идей и направлений в современной грамматической теории, появлением дополнительных исторических и диалектных материалов» [8].

Отмечают два основных типа систем выражения детерминации в языках мира. В первом типе ведущую роль играет противопоставление так называемого референтного и нереферентного статуса имени, во втором типе – противопоставление так называемого определенного и неопределенного статуса. Второй тип системы выражения детерминации основан на противопоставлении значений определенности и неопределенности. Само это противопоставление, однако, возможно для референтных существительных; оно сводится к тому, считает ли говорящий данный объект известным или неизвестным адресату.